УДК 343.61-047.34(436:470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4/118-128

Я.О. Кучина¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kuchina.yao@dvfu.ru

**УБИЙСТВО В ОБЩЕМ ПРАВЕ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНОГО
ПРАВА АВСТРАЛИИ) И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ИНСТИТУТА
УБИЙСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ**

Аннотация. В статье предложен сравнительно-правовой анализ института умышленного причинения смерти в общем праве и его отличие от института убийства в уголовном праве Российской Федерации. Разница между двумя предлагаемыми к исследованию правовыми системами формирует давний интерес учёных. Существенные различия не только между законодательной структурой, а также внутренней структурой аналогичных по названию нормативно-правовых актов, но, прежде всего, между сущностями права, делает такой сравнительно-правовой анализ высоко актуальным. Используя институт умышленного причинения смерти как пример постоянно-существующего, исторически неизменчивого примера преступления, автор предпринимает попытку провести анализ сходств и различий в базовых принципах уголовного права двух систем. Рассмотрены вопросы понятия убийства и его видов, концепции подвидов причинения смерти, особенности состава этих преступлений, а также категории жизни и смерти, важные для этого вида преступления.

Поскольку своеобразие законодательной инициативы стран общего права порождает большее количество одноотраслевых кодифицированных актов, чем постсоветская правовая система, было принято решение сконцентрироваться на уголовном законе Австралии. В статье цитируются уголовные законы территориальных австралийских единиц, ряд высоко значимых для уголовного права судебных прецедентов и мнения представителей уголовно-правовой науки. Статья представляет определённый

¹ Ярослава Олеговна Кучина, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Кучина Я.О. Убийство в общем праве (на примере уголовного права Австралии) и его отличие от института убийства в российском уголовном законе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 4. С. 118–128.

интерес для специалистов по сравнительному праву, исследователей системы общего права, а также для всех интересующихся уголовно-правовой наукой.

Ключевые слова: убийство, преднамеренное причинение смерти, уголовное право, смерть, сравнительное право, Австралия, страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Yaroslava O. Kuchina¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kuchina.yao@dvfu.ru

HOMICIDE IN THE COMMON LAW (ON THE EXAMPLE OF AUSTRALIAN CRIMINAL LAW) AND ITS DIFFERENCE FROM THE INSTITUTION OF MURDER IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

Abstract. The article offers a comparative legal analysis of the institution of deliberate infliction of death (homicide) in the common law system and its difference from the institution of murder in the criminal law of the Russian Federation. The difference between the two legal systems proposed for research forms a long-standing interest of researchers. Significant differences not only between the legislative structures, but also between the internal structure of similar normative legal acts, primarily among the entities of law, make such a comparative legal analysis highly relevant. Using the institution of deliberate infliction of death (homicide), as an example of a constantly existing, historically unchanging type of a crime, the author attempts to analyze the similarities and differences in the basic principles of the criminal law of the two systems. The issues of the concept of homicide and its types, the concept of subtypes of causing death, the features of the composition of these crimes, as well as the categories of life and death, that are important for this type of crime, are considered.

Since the originality of the legislative initiative of the countries of common law generates more unidirectional codified acts than the post-Soviet legal system, it was decided to concentrate on the criminal law of Australia. The article cites the criminal laws of territorial Australian units, a number of highly significant criminal law precedents and the opinion of academic representatives of the criminal doctrine. The article is of particular interest to specialists in comparative law, researchers of the common law system, as well as for all investigators that are interested in criminal law theory.

¹ Yaroslava O. Kuchina, Candidate of Law Sciences, LLM (University of Macau), Assistant Professor, Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Kuchina Y.O. Homicide in the common law (on the example of the Australian criminal law) and its difference from the institution of murder in the Russian criminal law // Asia-Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 4. С. 118–128.

Kew words: homicide, murder, felony, criminal law, death, comparative law, Australia, Asia-Pacific.

Для понимания сущности института убийства в системе общего уголовного права всегда необходимо ссылаться на законодательство определённого государства, поскольку убийства – это статутные преступления, закреплённые в письменных нормативно-правовых источниках, по отношению к которым судебный прецедент и доктрина толкования носят, в некотором смысле, вторичный характер. А пример Австралии, выбранный нами для данной статьи, требует, для начала, уделить внимание её территориальному делению. Вторым важным аспектом для понимания темы является определение понятия преступления в общем праве, существенно отличающееся от этого понятия в российской уголовной доктрине.

Итак, Австралийский Союз представляет собой федеративное объединение, разделённое на штаты и территории. К числу штатов относятся Виктория, Западная Австралия, Квинсленд, Новый Южный Уэльс, Тасмания и Южная Австралия. Территории делятся на две материковые (самые крупные) и мелкие островные. Материковые территории – это Северная территория и Территория федеральной столицы. Островными территориями являются остров Норфолк, остров Рождества, Кокосовые острова, острова Ашмор и Картье, территория островов Кораллового моря, остров Херд, острова Макдональд и Австралийская антарктическая территория. Каждая из этих федеративных единиц свободна в законодательном творчестве [1; 2; 3].

Что касается состава преступления, то здесь необходимо отметить существенное отличие содержания от того, что знакомо российскому правоведу. Согласно общему принципу уголовной ответственности, в том числе признаваемому в Австралии, лицо может подлежать уголовной ответственности, если было вовлечено в поведение, запрещённое уголовным законом, выражало состояние ума, запрещённое уголовным законом, и оба эти состояния совпали во времени [1].

Переводя это понятие на русский язык, необходимо учитывать, что под запрещённым поведением подразумевается юридическая концепция *actus reus* [4], а под запрещённым состоянием ума – *mens rea* [5]. Общая формула восходит к латинской максиме «*Actus non facit reus nisi mens sit rea*», означающей, что не может быть уголовной ответственности без единения виновной воли и виновного действия, то есть без совокупного наличия противоправного акта и преступного умысла.

Состав преступления, именуемый в австралийском праве термином *corpus delicti*, должен быть доказан в полном объёме, как каждый из его элементов, так и в совокупности, с обязательным установлением факта участия обвиняемого в совершении преступления согласно принципу доказывания «вне обоснованных сомнений» [6]. При этом он может состоять как из обоих элементов, так и из одного из

них – в зависимости от толкования конкретной запрещающей нормы законом, прецедентом и наукой. Таким образом состав преступления, согласно уголовному праву Австралии, формируется из двух элементов, не нуждающихся в обязательном установлении их совокупности – это важнейшее отличие местного уголовного права от российского.

Убийство в системе общего права подразделяется на три вида – один общий и два квалифицированных, каждый из которых включает уникальное соотношение элементов состава и признаков.

В системе общего права сознательное лишение человека жизни, запрещённое уголовным законом, именуется *homicide* и подразделяется ещё на несколько видов преступлений. Наиболее распространённые из них в традициях российского сравнительно-правового перевода называются «умышленное убийство» (*murder*) и «непредумышленное убийство» (*manslaughter*). Каждый из этих видов объединён одинаковым *actus reus*: действием (или покушением на действие), осознанно и добровольно совершённым одним человеком, которое влечёт за собой смерть другого человека быстрее, чем могут наступить иные последствия.

Важно отметить, что в доктрине австралийского уголовного права подобное определение относится только к незаконному убийству (*unlawful homicide*), то есть совершенному при наличии абсолютного запрета на причинение смерти, что также является важным уточнением применительно к оценке совокупности элементов *actus reus* и *mens rea*. Оценка убийства при самозащите, задержании и т.д. происходит по другим критериям.

В свою очередь, умышленное и непредумышленное убийство в общем праве подразделяются на дополнительные подвиды. Так, умышленное убийство существует в четырёх следующих подвидах:

1) Преднамеренное убийство (*intentional murder*) – представляет собой убийство, при котором лицо умышленно причиняет смерть другому человеку, не предпринимая никаких усилий, чтобы снизить тяжесть вреда или избежать последствий в виде смерти, а, напротив, действует с выраженным намерением вызвать немедленную смерть или такие повреждения тела, которые не совместимы с жизнью (т.е. влекущие смерть). Понятие преднамеренного убийства содержится в теории общего уголовного права, а уголовный закон конкретной федеративной единицы Австралии не требует её включения в статут, ограничиваясь, в ряде случаев, лишь санкцией за такое убийство (Южная Австралия, Виктория) [2]¹.

¹ См., например: Criminal Law Consolidation Act 1935 South Australia: «11– Murder. Any person who commits murder shall be guilty of an offence and shall be imprisoned for life» (Любое лицо, совершившее преднамеренное убийство, должно быть признано виновным и приговорено к пожизненному заключению).

2) «Безрассудное убийство», или необдуманное убийство (*reckless murder*), которое иногда при переводе работ о системе общего уголовного права называют преднамеренным убийством второго типа [7], – это убийство, совпадающее по описанию с предыдущим, однако совершённое необдуманно, или «безрассудно». Понятие «безрассудства» (*recklessness*) применительно к умышленному причинению смерти является наиболее сложным для сравнения с системой российского права и уголовно-правовой терминологией. Частично соотносясь с категорией «убийства с косвенным умыслом», оно, однако, включает в себя и признаки убийства с внезапно возникшим умыслом, и неосторожного убийства, сопряженного с игнорированием наличия уголовного запрета, то есть с мотивом намеренного пренебрежения уголовными нормами. Эта правовая концепция настолько сложна и неоднозначна, что является одной из наиболее спорных и дискуссионных категорий общего права, в том числе в законе и судебной практике [8]. Так, определяя этот вид убийства, уголовное право штата Виктория руководствуется позицией теории общего права, прецедентная практика судов Южной Австралии отвергает существование такого подвида [9], а закон Нового Южного Уэльса признает «безрассудное убийство» только тогда, когда лицо причиняет немедленную смерть другому человеку, при наличии признаков безрассудства относительно самой смерти (и не признает таким убийством причинение вреда здоровью, повлекшее смерть) [3]. Как мы видим, этот вид убийства сочетает в себе признаки косвенного умысла и преступной неосторожности, в виде более небрежности, чем легкомыслия.

3) Статутное тяжкое убийство, совершённое с конструктивным или неопровержимо-презюмируемым умыслом (*statutory constructive murder*) – это категория общего права, предусматривающая вменение *mens rea* в связи с однозначно-тракуемыми обстоятельствами совершения убийства, то есть его объективной стороной. Здесь умысел и психическая оценка субъектом преступления совершённых им действий (а, значит, и стороной обвинения) зависит от того, как выражена объективная сторона. Несмотря на различия в конкретных признаках такого убийства, существуют три его обязательных элемента, вытекающие из так называемого «правила убийства-фелонии»¹: (1) лицом причинена смерть другому лицу (2) в ходе активного совершения действия (3) обстоятельства совершения являются отягчающими (например, с применением особой жестокости, дополнительного насилия и пр.).

Статутным это убийство называется по причине его обязательного закрепления в уголовном законодательстве, в котором к общей конструкции «правила убийства-фелонии» могут быть добавлены иные признаки. Определяющим для наступления уголовной ответственности за любое статутное преступление является за-

¹ Felony-murder rule.

вершение объективной стороны, тогда как иные признаки играют второстепенную роль или вообще не играют роли. Поэтому в Австралии такими преступлениями, как правило, признаются конкретные способы совершения убийства. Так, штат Виктория признаёт в качестве данного подвида убийство, совершённое специальным общеопасным способом – при помощи поджога (параграф 197A Crimes Act 1958 Victoria), одновременно не признавая общего правила об убийстве-фелонии (подпараграф 3A (2) Crimes Act 1958 Victoria)¹.

4) Последним подвидом убийства является прецедентное тяжкое убийство, совершённое с конструктивным или неопровержимо-презюмируемым умыслом (common law constructive murder) – категория, существующая только в штатах Виктория и Южная Австралия и предусматривающая ответственность за убийство другого лица путём насилия, совершённого при попытке избежать законного заключения под стражу, противодействовать перемещению в место законного содержания под стражей, или совершить побег из такого места.

Что касается непредумышленного убийства, то существуют лишь два его подвида. В общем уголовном праве Австралии – это:

1) Добровольно-совершённое непредумышленное убийство – представляет собой производную, практически совпадающую с убийством первой и второй степени (подвиды 1 и 2), однако со сниженной общественной опасностью в силу дополнительных обстоятельств. Такие обстоятельства разнятся в зависимости от уголовного закона конкретного штата или территории и включают в себя следующее: (1) провоцирование на убийство (Южная Австралия, Новый Южный Уэльс); (2) превышение пределов необходимой самообороны или обороны третьих лиц в силу уверенности в необходимости такого превышения (Новый Южный Уэльс, Южная Австралия, Виктория); (3) смерть иного лица при неудачном совершении самоубийства (Новый Южный Уэльс, Южная Австралия, Виктория); (4) при осуществлении трудовых обязанностей в стрессовой ситуации (Новый Южный Уэльс). При этом в ряде штатов, например, в Южной Австралии, специальные составы таких преступлений могут квалифицироваться и как умышленное убийство, например, если речь идёт о превышении пределов необходимой обороны при защите недвижимого имущества от посягательств.

2) Непроизвольное (случайное) непредумышленное убийство – подвиды, аналогичные российскому причинению смерти по неосторожности, один из которых включает в себя классическое причинение смерти в силу преступной небрежности, а другой – в ходе совершения общественно-опасного или незаконного деяния, повлекшего смерть человека. При этом совокупность признаков обществен-

¹ Где указано следующее: The rule of law known as the felony-murder rule (whereby a person who unintentionally causes the death of another by an act of violence done in the course or furtherance of a felony of violence is liable to be convicted of murder as though he had killed that person intentionally) is hereby abrogated.

ной опасности и незаконности (неправомерности) должна быть равной, а требование об обязательном наличии в действиях лица признака *mens rea* формально или вовсе не требуется. Стоит отметить, что устаревший термин *malice aforethought* – «заранее обдуманной злой умысел», ранее принятый в общем праве, уже практически не применяется как признак состава умышленного убийства при вынесении приговоров в Великобритании и Австралии. Согласно теории уголовного права наличие заранее обдуманного злого умысла расширяется до пределов, свойственных российскому косвенному умыслу при совершении убийства, когда лицо знало или предполагало, что последствия в виде смерти, скорее всего, наступят, даже если относилось безразлично к этому или же считало, что может быть и не наступят.

Также стоит отметить, что не все государства, принадлежащие системе общего права, признают аналогичное количество подвидов умышленного убийства, как Австралия, при рассмотрении видов непредумышленного убийства расхождений нет. Так же, как и Австралия, эти государства при отграничении непредумышленности руководствуются ратиио общепринятых судебных решений по данным категориям преступлений (см.: *R v Daves* (1975) 60 Cr App R253; *People v McEoin* (1978) IR 27; *DPP v Camplin* (1978) 2 All ER 168 [10]), хотя некоторые создают собственные прецеденты (см., например: *The Republic of Nauru v Eiberuken Namaduk* (1978), *par.* 5), играющие существенную роль при оценке подвидов перечисленных нами деяний. Кроме того в Австралии в качестве признака непредумышленности признаётся провокация на причинение смерти.

Независимо от того, к какому виду или подвиду относится причинение смерти, можно выделить три обязательных признака, которые присутствуют в каждом из этих преступлений, – это действие, причинность и последствия, выраженные в виде наступления смерти. В связи с тем, что в доктрине общего уголовного права не существует единой концепции объекта преступления, в том числе в виде права на жизнь, то теория, закон и судебная практика занимают различные позиции относительно этих вопросов, в зависимости от элементов, формирующих уголовное право конкретной страны.

Единым правилом, определяющим наличие в действиях лица признака убийства, является причинение смерти «человеческому существу» или покушение на причинение смерти. В данном случае в доктрине общего права возникает вопрос, что же понимается под этой категорией и с какого момента физический объект можно рассматривать как человеческое существо. Ответ на этот вопрос был дан в ратиио судебного решения по делу *R v Hutty* (1953) VLR 338, где девятнадцатилетняя Дороти Мерле обвинялась в совершении умышленного убийства своего новорождённого ребенка. Анализ данного решения показывает, что признаками «человеческого существа» являются следующие:

1) объективные признаки человека, то есть самостоятельно мыслящего и действующего человеческого существа, находящегося в относительно здоровом состоянии с возможностью физического функционирования;

2) объективные признаки новорождённого ребенка, то есть полностью рождённого в здоровом состоянии плода человека, отделившегося от тела матери и способного существовать независимо, не получая жизненных сил от материнского тела; при этом вопрос полного отделения от пуповины не является существенным; однако ребёнок должен существовать в силу функционирования его собственных внутренних органов, а не органов тела матери.

Эта позиция полностью поддерживается всеми федеративными единицами Австралийского союза, независимо от того, закреплена ли она в законе (Новый Южный Уэльс) или же является частью доктрины общего уголовного права (Южная Австралия), или же – радио судебного прецедента (Виктория). В островных государствах мнения разнятся. Так, в Вануату новорождённый признается живым и, следовательно, может быть признан жертвой убийства, независимо от того, дышал ли он или нет, и было ли независимое кровообращение или нет, – единственным достаточным признаком является отделение ребенка от тела матери (пар. 110 Кодекса о наказаниях).

Что касается признаваемого момента смерти, то здесь в уголовном законе нет единого мнения, более того, такие современные проблемы, как вопрос эвтаназии и её отграничения от отключения тела от поддерживающей медицинской аппаратуры, а также дефиниция категории «здоровье» вызывает ряд споров [11]. Ряд специальных актов Австралии [12] определяет смерть как необратимое прекращение функций головного мозга или кровообращения. Однако положения этих актов не являются обязательными для толкования момента смерти, поскольку речь идёт не об общей смерти тела, а об утрате признака «человеческого существа», необходимого для признания деяния убийством. В частности, необратимое прекращение функционирования головного мозга означает «смерть клеток мозга», а не смерть мозга вообще. Вопрос о необратимом прекращении кровообращения оспаривается в связи с развитием медицинских технологий, при которых кровообращение может поддерживаться искусственно (то есть не функционировать самостоятельно), например, кардиостимулятором, а мозг – продолжать жить и полностью сохранять функции разума и тела (см. в качестве определяющего судебный прецедент по делу *Chan Yu Kueng (1987) HKLR 276 (Hong Kong)*).

В рамках категории *actus reus* любое убийство должно содержать в себе два элемента, образующих его деятельную сторону: элемент добровольности действия и правовую причинность. Добровольность действия является обязательным элементом любого из составов преступления в австралийском уголовном праве, и дискуссий по этому поводу не обнаружено. Если добровольность действия не под-

тверждена в рамках принципа «вне обоснованных сомнений», то вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности даже не ставится. Тем не менее критерий добровольности действия в ряде случаев описывается как действия, отвечающие требованиям нормальности или типичности для конкретного человека в конкретном случае [14]. Здесь возможно провести параллели с категорией негодного способа совершения преступления, существующей в российском уголовном праве, и оценкой деяния как способного повлечь определённые последствия. Что касается причинно-следственной связи, то она определяется в рамках признака «правовой причинности» – то есть причин, соответствующих доктрине уголовного права, а не иным признакам. Для этого выделяют два качества, которые должны присутствовать в причинно-следственной связи:

1) соответствие действий и последствий «правилу кроме» (but-for rule), означающему, что конкретные последствия не могли наступить в силу иных причин, кроме как в силу действий лица, их совершившего;

2) если во временном промежутке между действиями лица и наступившими последствиями не выявлено никаких иных обстоятельств, которые также соответствуют «правилу кроме» и требованию о «правовой причинности», причём такие обстоятельства исключают уголовную ответственность лица за наступившую смерть.

Из всего сказанного выше очевидно, насколько существенны различия в формировании самой концепции умышленного причинения смерти в системе общего права и в российском уголовном праве. Разница эта зарождается не на уровне дефиниций или современных академических мнений, но, согласно проведённому анализу, уходит корнями в правовые принципы, в систему доказывания, а также в традиционные способы формирования систем обвинения и правосудия. Пример исторически-устойчивых, максимально похожих по восприятию общественной опасности преступлений, вроде убийства, особенно красноречиво подчеркивает эту разницу.

Российское уголовное право, несмотря на его кажущуюся сложность и многоступенчатость применительно к институту состава преступления, представляется более предпочтительным именно в силу своей стандартизированной и алгоритмичности. Полагаем, что возникающие порой в отечественной уголовной науке идеи относительно адаптации некоторых составов преступлений из системы общего права, в том числе таких классических, каким является убийство, должны оцениваться не только с точки зрения того, нужно ли этого уголовному праву РФ, но и с точки зрения того, что имплементация диспозиции не повлечёт за собой автоматического переноса всей базы общего права, упомянутой нами выше. А это, как видно из предлагаемой статьи, делает такую адаптацию не только бессмысленной, но и вредоносной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. National Criminal Code (Criminal Code Act 1995 Commonwealth) [Электронный ресурс] // Australian Government. Federal Register of Legislation. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2015C00097>.
2. Criminal Law Consolidation Act 1935 South Australia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/CRIMINAL%20LAW%20CONSOLIDATION%20ACT%201935.aspx>.
3. Crimes Act 1900 New South Wales [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sydneycriminallawyers.com.au/criminal/legislation/crimes-act/>.
4. Duff, R. A. Intention, agency and criminal liability: philosophy of action and the criminal law / R. A. Duff. – Oxford: Blackwell, 1990. – 256 p.
5. Perkins, R. M. A Rationale of mens rea // Harvard Law Review. – 1939. – Vol. 6, iss. 52. – P. 905–928.
6. Shapiro, B. J. Beyond reasonable doubt and probable cause: historical perspectives on the anglo-american Law of evidence / B. J. Shapiro. – Berkley, 1991. – 380 p.
7. Третьяков, К. В. Сравнительный анализ квалификации убийств по уголовному праву РФ и США // Вестник Костромского государственного университета. – 2015. – Т. 21, № 3. – С. 195–198.
8. Sornarajah, M. Reckless murder in Commonwealth Law // The International and Comparative Law Quarterly. – 1975. – Vol. 4, iss. 24. – P. 846–861.
9. R v Morrison (2007) SASC 168 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jade.io/summary/mnc/2007/SASC/168>.
10. DPP v Camplin (1978) 2 All ER 168 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://global.oup.com/uk/orc/law/criminal/heaton4e/resources/casematerial/bychapter/ch06/#f>.
12. Bartels, L. A right to die? Euthanasia and the law in Australia / L. Bartles, M. Otlowski // Journal of Law and Medicine. – 2010. – No. 17. – P. 532–555.
13. Death (Definition) Act 1983 South Australia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/DEATH%20\(DEFINITION\)%20ACT%201983.aspx](https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/DEATH%20(DEFINITION)%20ACT%201983.aspx).
14. R v Butcher (1986) VR 43 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://deakin.rl.talis.com/items/5E8600E5-CBD6-2E43-0E72-BBB5AEC1D855.html>.

REFERENCES

1. *National Criminal Code (Criminal Code Act 1995 Commonwealth)*. Australian Government. Federal Register of Legislation. Available at: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2015C00097> (accessed 17 August 2017).

2. *Criminal Law Consolidation Act 1935 South Australia*. Available at: <https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/CRIMINAL%20LAW%20CONSOLIDATION%20ACT%201935.aspx> (accessed 17 August 2017).
3. *Crimes Act 1900 New South Wales*. Available at: <https://www.sydneycriminallawyers.com.au/criminal/legislation/crimes-act/> (accessed 17 August 2017).
4. Duff R.A. *Intention, agency and criminal liability: philosophy of action and the criminal law*. Oxford: Blackwell, 1990. 256 p.
5. Perkins R.M. A rationale of mens rea. *Harvard Law Review*, 1939, vol. 6, iss. 52, pp. 905–928.
6. Shapiro B.J. *Beyond reasonable doubt and probable cause: historical perspectives on the anglo-american Law of evidence*. Berkley, 1991. 380 p.
7. Tret'yakov K.V. Sravnitel'nyi analiz kvalifikatsii ubiystv po ugovnomu pravu RF i SShA [Comparative analysis of the qualification of murders in the criminal law of the Russian Federation and the United States]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2015, vol. 21, no. 3, pp. 195–198.
8. Sornarajah M. Reckless murder in Commonwealth Law. *The International and Comparative Law Quarterly*, 1975, vol. 4, iss. 24, pp. 846–861.
9. *R v Morrison (2007) SASC 168*. Available at: <https://jade.io/summary/mnc/2007/SASC/168> (accessed 25 August 2017).
10. *DPP v Camplin (1978) 2 All ER 168*. Available at: <https://global.oup.com/uk/orc/law/criminal/heaton4e/resources/casematerial/bychapter/ch06/#f> (accessed 17 August 2017).
12. Bartels L., Otlowski. A right to die? Euthanasia and the law in Australia. *Journal of Law and Medicine*, 2010, no. 17, pp. 532–555.
13. *Death (Definition) Act 1983 South Australia*. Available at: [https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/DEATH%20\(DEFINITION\)%20ACT%201983.aspx](https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/DEATH%20(DEFINITION)%20ACT%201983.aspx) (accessed 25 August 2017).
14. *R v Butcher (1986) VR 43*. Available at: <https://deakin.rl.talis.com/items/5E8600E5-CBD6-2E43-0E72-BBB5AEC1D855.html> (accessed 23 August 2017).